

А.К. Салмин

ОНИ ХРАНЯТ ТРАДИЦИИ

1990 год. Июнь. Шенталинский район Куйбышевской области. Минуя село Салейкино, направляюсь в сторону деревни Старое Афонькино. Это не простая деревня. Она знаменита тем, что здесь живут некрещенные чуваша. Деревня большая, живет здесь народ дружный и трудолюбивый. По пути знакомлюсь с жительницей этой деревни. Она оказалась человеком очень отзывчивым и понимающим. Она же познакомила меня с двумя пожилыми сестрами. Те в свою очередь очень тепло приняли меня, будто я у них самый близкий родственник. К тому же сестры Ульдяковы — Савнитей аппа и Сервери аппа — в один голос торопились сообщить мне, что на днях деревня проводит большое моление. Дружно посоветовали пойти мне к Ульяна аппа и попросить ее познакомить с деревней, а также с кладбищем.

И вот беседа с Ульяна аппа. Она ждет сына, который живет в городе и очень часто посещает родной дом вместе со своей женой. Ульяна аппа то и дело смотрит в окно и вспоминает, как ее сын в детстве чуть не ослеп. Знахарка посоветовала ей использовать куриную кровь. Помогло. Теперь она рада, что сын здоров и любит маму. Говорим о великих праздниках моего народа.

— Конечно, *мункун* у нас самый великий праздник. Он начинается у нас в среду перед Пасхой. В *мункун* родня собирается в коренной дом, т.е. в тот дом, откуда выделились в отдельные семьи повзрослевшие сыновья. Режем курицу у столба ворот. А летом — *чимёк*. Его мы тоже очень ждем. Ходим на кладбище. Ведь там наши предки родные. Это их деревня. Скоро и мы там будем. Накануне праздника *чимёк* убираемся на кладбище. Удаляем слишком высокие травы, красим надгробные столбы *юпа*, слегка поправляем могилку. *Чимёк* был в прошлый четверг. А сегодня суббота. В этот день на кладбище ходят крещенные. Осенью будет *кёр сáри*. Это тоже великий праздник. Также готовим угощения. Поминаем умерших родных. А вот в следующий четверг у нас будет

Рис. 1. Знахарка Хёртилет аппа (Таймухина Хёртилет Семеновна)

общесельское моление *Учук*. Его будем проводить в поле у реки Черемшан. Вся деревня выйдет. Председатель колхоза уже пообещал выделить жертвенного быка. Я буду деньги собирать на крупу и масло. Кто сколько даст. А вот твои знакомые сестры Ульдяковы дадут барашка, его будем жертвовать верховному божеству *Турӑ*. Все будет согласно традициям, заведенным нашими дедами. А молельщица Мислике и знахарка Хёртилет (рис. 1) будут подсказывать нам и вести моление. Надо еще котлы приготовить. Сказали, что в этом году будем варить в шести пивных котлах. Уже десять лет минуло от прошлого *Учука*. Знахарка Хёртилет сказала, что в этом году в первый четверг июня надо обязательно провести. Если не сможем провести в следующий четверг моление, то придется отложить еще на четыре года. Так сказала Хёртилет. Она знает порядки.

Моя собеседница улыбается. Значит, все будет в порядке. По традиции. И сын приедет с женой в этот день.

— Многие из города приедут, — продолжает Ульяна аппа. — Они уже знают. Будут и из соседних деревень. Те, кто вышли замуж в ближайшие деревни. Придут на моление и крещение. Они тоже когда-то были некрещеными и теперь продолжают уважать традиции своих ро-

дителей. Правда, может явиться в деревню батюшка и стыдить народ. Но он нас знает. Поговорит и уйдет.

Беседуем. Мой верный старый магнитофон поскрипывает, но не подводит. Дальше говорим о божествах *Валем хуса*, *Киремет* и *Йёрёх*. Зная, что здесь под *Йёрёх* имеют в виду то, что в Чувашской республике называют *Киремет*, пытаюсь запутать бабулю.

Спрашиваю:

— А вот в поле по дороге из Салейкино у вас растут два отдельных дерева. Они — *Киремет*?

— Нет, это *Йёрёх*. А куклы, которые оставляют под деревом, называются *Йёрёх пукани*, — объясняет собеседница.

Да, это правда. С таким фактом я уже столкнулся два года назад в Саратовской области. При этом представление о дереве-*Йёрёх* стадиально более раннее, чем о дереве-*Киремет*.

Время летит. Начинает вечереть. До наступления темноты надо успеть побывать на кладбище. Отложить нельзя, ибо мои родненькие сестры Савнитей аппа и Сервери аппа обещали мне завтра познакомить со знахаркой Хёртилет аппа. Она соседка Ульдяковых. Я планирую посвятить ей целый день. В то же время так хочется поскорее побывать и на кладбище некрещеных чувашей. Ведь там на могилах не кресты, а столбы *юпа*. Стемнеет — тогда невозможно будет сфотографировать. Да и не принято ходить ночью на кладбище.

Идем. По пути останавливаемся у мостика через овраг. Овраг носит название *Хупраххан*. В переводе — «место, куда бросают лубья». Имеются в виду лубья, на которых моют умершего дома. Через овраг на узком месте брошены деревянные, расколотые пополам. Это и есть мост, через него проходит душа, прощающаяся с деревней навсегда. Здесь же валяются символические стол и стул, использованные в прошлом обряде *юпа*. Само кладбище расположено на возвышенном месте, на развилке реки Черемшан и оврага, впадающего в реку. По пути Ульяна аппа рассказывает мне подробности про *мункун*, про трещотку, используемую в *сёрен*, об обрядах очищения. А я продолжаю задавать свои вопросы и получаю чудесные толкования обрядов *ларма*, *улах* и *сурхури*.

Возвращаемся с кладбища. Останавливаемся у дома, где на бревнах сидят пожилые сельчане. В деревне уже знают, что к ним из Москвы прилетел чуваш и интересуется их старинным бытом. На лицах улыбки. Все дружно просят авторитетного местного знатока старинных порядков Михай пичче рассказать гостю что-либо интересное. Он доволен доверием. Начинает говорить про *Учук*. Да, это у них самый значительный праздник в деревне. Он является благодарственным жертвоприно-

шением за выращенный в поле урожай (рис. 2, 3). Что может быть выше хлеба! Люди приносят божеству *Турй* живность — овцу, утку, гуся и т.д. Все жертвенные животные отдаются верующими в надежде на то, что Природа их отблагодарит сторицей. Далее рассказ переходит на молодежный хоровод *Уяв*. Лица стариков светлеют, они вспоминают молодость, свою первую любовь и первое свидание.

Савнитей аппа и Сервери аппа уже заждались меня. Пришли к ним и родственники. Садимся за стол. Но больше говорим, чем кушаем. Гости уходят. Мы опять разматываем нити этнографии. Говорим про Старый Новый год. И я вспоминаю этот праздник. Говорю, что все парни в эту ночь набивали карманы пресными жареными шариками *й'авача* и ели их на улице, угощали своих возлюбленных. Тут мои хозяйки совсем оживляются и начинают месить тесто. И вскоре из затопленной печи они вынимают целую сковородку этих мелких румяных колобков. Фотографируем экспонат и дружно его съедаем.

Именно в этой деревне я записал самый полный вариант рассказа о родовом празднике, посвященном завершению сбора урожая. Называется он *чүклеме*. В исконном виде сохранились здесь представления о таких обрядах, как «жертвенный сноп», закрывание скота на откорм, «молозиво». Знают не понаслышке о божествах *Пирёшти*, *Пихампар*, *Хёртсурт* и *Пүлөх*. Как нигде больше, люди здесь носят чувашские имена. Они звучат поразительно красиво, и каждое обязательно означает что-либо. Например: Пинеслу, Ултеслу, Хёртилет, Хёрпике, Теверни, Севретей, Савнитей, Илерни, Тутреви, Савнепи, Савтилет, Пейментей, Мулентей, Исментей, Тементей, Ементет, Урлук, Сирук, Ситриван... Сразу бросается в глаза — в этом перечне очень часты имена на корень *Сав-*. А это значит «обожать, восхищаться, любить». Действительно достойные имена. У такого народа не может быть в душе злобы и враждебности. У такого народа понятия «любовь» и «восхищение» всегда на первом месте. Люди эти чувства носят в себе, в своем имени.

Интересной собеседницей оказалась и Северслу аппа. Ей тогда было почти 90 лет. Мои хозяйки попросили меня пересказать беседу с ней. Пришлось дать им прослушать магнитофонную запись. Они подтвердили, что Северслу аппа знает лучше всех про общесельское моление *Апраçсин кёлли*.

Не успели дослушать магнитофонную запись, как к нам пришли две девочки и сказали, что гостя из Москвы ждет Мишша тете, т.е. дядя Михаил. И это срочно, ибо Мишша тете собирается ехать в районный центр. Он работает агентом соцстраха и должен быть там с отчетом. Вхожу в званный дом. Приветствую по обычаю. Из другой комнаты раз-

Рис. 2. Общесельское моление
Учуж: последние приготовления перед молением

Рис. 3. Общесельское моление Учуж: автору объясняют значение
жертвенной лепешки с «носами» и «пупком»

дается голос хозяина, он просит пройти к столу. «Я мигом, вот сложу папку», — говорит Мишша тете. Вот и он. Невысокий, худой. Но глаза живые, даже властные. Я и не ожидал, что подружусь с ним навсегда. Из рассказа хозяина дома узнаю очень много. Особенно ценно то, что Мишша тете бывает во многих деревнях района и очень внимательно наблюдает за народными обрядами и верованиями. Он даже ведет записи и потому смог указать мне на различия, т.е. варианты бытования некоторых традиций. От него я впервые в своей жизни записал родовой обряд *сураҫма*. Этот ритуал сохранился только в этой деревне, но и в ней его совершает только половина жителей. Объясняется это тем, что деревня была образована выходцами из двух регионов — из теперешней Республики Татарстан и Ульяновской области. Ритуал этот родовой. Он призван примирить живых, что в свое время не успели покаяться перед умирающим, из-за чего тот не сумел их простить.

Увы, мы все подвластны времени. Многих моих тогдашних собеседников уже нет на этом свете. Но остаются записи, их письма ко мне. Остаются в памяти и теплые встречи в моей квартире в Чебоксарах, куда приезжали даже не они, а те, кого они просили зайти ко мне и просто поговорить. Памяти одного из моих собеседников — знахарки Хёртилет — я посвятил в свое время брошюру «Предводители обрядов чувашей». Поклон вам, родные мои староафонькинцы. На вас держится традиция, изучению которой этнографы посвящают свои жизни. Пока живы добрые традиции — жив и народ.